

Kenzo

Александр андрогин. Одни называют его именем «Алекса», другие — «Сандра». Итак, Алекса Клозевиц (alias Сандра Клозевиц) в настоящий момент сидит в кофейне «Три кошки» и как раз заказывает красивой чернокожей официантке кофе с молоком и булочку из дрожжевого теста. На Алексе серьга в одной из бровей, голубая рубашка и джинсы. И очень низкие черные мокасины на босу ногу. У него красивые усики, приклеенные не к верхней губе, а прямо к улыбке.

— Что на мне сегодня? — спрашивает его негритянка. Ее улыбка усиков не имеет. Ее улыбка в стихах.

— Августа, Августа, я еще в дверях заметил, что сегодня ты переоделась. Проверим... Ну конечно, сегодня у тебя капля «Амслера» на запястье. И где-то еще. Неплохо. Jean Luc Amsler!

Алекса на полуслове прерывает свои наблюдения, потому что за его спиной в кофейню входят два прекрасно одетых парня. На каждом костюме ценной в 500 долларов, который сидит так, словно за него заплачена вся тысяча. Прежде чем Алекса видит их в зеркале напротив двери, его нюх идентифицирует их по запаху. У одного на голове стрижка борца сумо, которая стоит столько же, сколько и очень дорогие туфли на его ногах, пахнет от него Kenzo. Второй — чернокожий с улыбкой ценной не меньше 30 долларов за штучку, а вме-

ную часть толстого конца, осторожно кладет трубу на стол и закуривает сигару.

— Вы только посмотрите на себя, — добавляет он, махнув рукой в сторону Алексы, который стоит перед ним расстрепанный, без парика, с грязными босыми ногами, с размазанными по лицу белилами и помадой.

— К тому же вы мне должны, и должны, и должны, а все сроки прошли. Чем вы, в сущности, занимаетесь?

— Я занимаюсь торговлей, — отвечает Алекса застенчиво, достает из сумочки мокасины и обувается. — Вообще-то, — добавляет он, — в нашем зеркале видно, чем я занимаюсь.

— И он подходит к большому зеркалу, которое висит прямо поверх книг на полках.

Все как по сигналу оборачиваются в его сторону. Там в хрустальном стекле вместо физиономии растерзанного Алексы отражается лицо прекрасной, тщательно ухоженной женщины в белом платье. Она из тех, кто сердцем способен расклевывать пень. Ее собранные в пучок волосы скреплены развернутым веером, усыпанным звездами созвездия Рака...

Преодолев минутное изумление и замешательство, господин с сигарой первым приходит в себя. Он пытается улыбнуться, но вместо этого чихает и говорит:

— А, значит, фокусы. Ловко, очень ловко, господин Клозевиц. Но чем бы вы ни торго-

«Алекса торопливо стягивает синюю рубашку, остается в красной женской блузке с пришитой изнутри поролоновой грудью, вытаскивает из сумки и надевает на голову черный парик»

сто рубашки на нем золотая цепочка. Его запах — эликсир Calvin Klein.

В тот же миг Алекса кричит официантке:

— Еще одну булочку, пожалуйста! — и шмыгает за дверь, на которой написано «WC». Оба типа переглядываются и, сев, не сводят глаз с этой двери. За ней Алекса торопливо стягивает синюю рубашку, остается в красной женской блузке с пришитой изнутри поролоновой грудью, вытаскивает из сумки и надевает на голову черный парик, сумку выворачивает наизнанку, отчего она превращается в лакированную дамскую сумочку, в которую он сует мокасины. Алекса остается босым, с кричаще накрашенными ногтями. Отдирает наклеенные усики, снимает с брови серьгу, подкрашивает губы и высказывает наружу. На лету бросает на стойку кушору и с восклицанием «Августа, детка, слави не надо!» выбегает из кофейни, поднимая руку, чтобы остановить такси...

Два парня ошарашенно наблюдают эту сцену. И только когда Августа разражается смехом, который тоже в стихах, они вскакивают как оппашенные и несутся за Алексой, который теперь стал Сандрой. После короткой погони негр хватает его, срывает парик и говорит:

— Не создавай нам проблем, а то получишь две оплеухи. Одну черную и одну желтую. ОК? А теперь слушай! Кое-кто хочет тебя видеть. Ты знаешь кто и знаешь зачем. В твоих интересах вести себя спокойно.

Они приводят его в букинистический магазин. В задней комнате пахнет сигарами. В этом запахе сидит огромный господин, он поигрывает машинкой для обрезания сигар. Он окружен полумраком, в котором поблескивают золотые надписи на хребтах стоящих по полкам книг. В городе все зовут его «сэр Уинстон», известен он тем, что всегда заранее знает, кто когда будет убит.

— Выглядите вы не блестяще, господин Клозевиц, — произносит он спокойным голосом. Пальцами без ногтей вытаскивает из сияющей прозрачной тубы с надписью «Partagas» свой томпус, отрезает изряд-

вали, дела ваши идут неважно. Так вы никогда не сможете вернуть мне долг. Придется нам договариваться по-другому, в противном случае дело плохо. Вы согласны?

Алекса кивает головой, а господин с сигарой достает из выдвижного ящика две фотографии и один ключ. Через стол протягивает их Алексу. Затем говорит:

— Итак, предлагаю вам сделку. Имеются две персоны — вот эти, на фотографиях, — которые нам очень мешают. Одна дама и один господин. Вы должны их устранить. Причем раз и навсегда. Здесь их адреса и имена. Кстати, этот ключ от личного лифта интересующего нас господина в его офисе. ОК? Мы договорились? Лучше вы их, чем мы вас, господин Клозевиц. Чтобы быть уверенным, что вы меня поняли, я вам кое-что покажу...

С этими словами человек оборачивается к негру и спрашивает:

— Ты какой рукой стреляешь, Асур?

— Правой.левой бросаю нож.

— А ты, Ишигуми?

По лицу Ишигуми различается божественная улыбка ценной в 50 долларов. Он говорит:

— Я стреляю правой, хозяин. И попадаю с первого выстрела. Так что левая мне ни к чему.

— Вот и давай левую, чтобы дело не пострадало.

И как только Ишигуми протягивает левую руку, хозяин молниеносным движением машинки для обрезания сигар отхватывает ему первую фалангу мизинца и двумя пальцами поднимает ее, окровавленную, вверх.

Ишигуми извивается от боли, запах его «Кензо» становится сильнее, он сует остаток мизинца в рот и поспешно выбирается из комнаты. Хозяин аккуратно опускает кусок мизинца Ишигуми в прозрачную тубу с надписью «Partagas», закрывает пробкой и протягивает Алексу:

— Это вам на память, господин Клозевиц, чтобы не забыли о нашем договоре. Как видите, в этой тубе хватит места еще и для двух ваших мизинцев, или чего-нибудь другого, что засу-

ЧТЕНИЕ

Уникум

culture@izvestia.ru

Милорад Павич

Впервые на русском языке выходит новый роман одного из самых модных современных прозаиков Милорада Павича «Уникум». Коллизия романа строится вокруг торговца снами, который подбирает каждому клиенту его особое уникальное сновидение. Как и знаменитые роман-лексикон «Хазарский словарь», роман-клепсидра «Последняя любовь в Константинополе» и роман-кроссворд «Пейзаж, нарисованный чаем», новая книга Павича имеет определение — это роман-дельта. То есть роман, который на определенном сюжетном повороте разбивается на сто разных концовок. Так что читатели, купившие два разных экземпляра одной и той же книги, в результате прочтут два разных романа. Однако в предисловии автор предостерегает от чтения чужого экземпляра. «Что вам суждено, то и достанется. Как и в жизни», — убеждает Павич. Полностью книга выйдет в издательстве «Азбука» в декабре.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: АНДРЕЙ ШЕПЕЛЮК. АНТОН ФЕДОРОВ. НИКИТА РЫБАКОВ. ИЗВЕСТИЯ

нет сюда господин Ишигуми, если вы не сделаете дело, в котором мы заинтересованы. Теперь можете идти. Желаю вам удачного дня...

Алекса выходит на улицу, освещенный солнцем, проходит несколько шагов, сворачивает за угол, останавливается наконец-то такси и открывает трубу с мизинцем Ишигуми. С галливостью нюхает его и выбрасывает через окно на улицу, пробормотав:

— Обычный резиновый палец. И на это он хотел меня поймать. Будто у меня нюха нет.

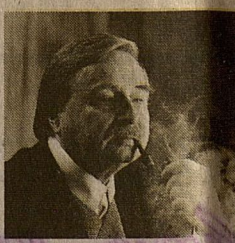
Old Spice

На фотографии мужчина среднего возраста, его лицо торчит над рубашкой Atmani и словно говорит: «Не нужно думать. Стоит начать думать, как понимаешь, что ты глуп». На обороте написано:

«Исайя Круз, управляющий букмекерской конторой, городской ипподром»

Фотографию и маленький ключ Алекса кладет в карман, цепляет на улыбку пару уже известных нам неотразимых усиков и отправляется на ипподром. Ознакомиться с местом действия. Потому что он знает — тип с сигарой не шутил. И придется его слушаться. По крайней мере некоторое время.

Административное здание ипподрома имеет четыре этажа, на четвертом расположен офис управляющего. В

Милорад Павич родился 15 октября 1929 года в Белграде. По его собственным словам, он родился «на берегах одной из четырех райских рек, в 8.30 утра, под знаком Весов (по асценденту — Скорпион)». Род Павича успел отметиться в литературе еще в XVIII веке — в 1766 году предок писателя опубликовал сборник стихотворений. Детство Милорада Павича пришлось на нацистскую оккупацию. В эти годы он выучил немецкий и английский языки, а впоследствии и русский. Павич автор шести романов, трех пьес и нескольких сборников рассказов. Настоящая слава пришла к нему после выхода знаменитого романа «Хазарский словарь», за которым последовали «Пейзаж, нарисованный чаем», «Внутренняя сторона ветра». Его книги переведены на десятки языков: как заметил как-то Павич, «биографию у меня нет — одна библиография». Кроме того, Павич еще и литературовед, специалист по сербскому барокко и поэзии символизма, переводил на сербский Пушкина и Байрона.

лифте три обычных кнопки, четвертой можно пользоваться только с помощью ключа. Алекса сует ключ в прорезь возле кнопки с номером IV. Ключ подходит в точности, но Алекса не поворачивает его, потому что тогда лифт отвезет и высадит его прямо в кабинете господина с фотографией. Он сует ключ обратно в карман и направляется в сторону трибун.

Сейчас забегает. Нескольких лошадей рысью скачут по дорожкам. Пахнет мужским потом жеребцов и резким запахом кобыл-однолеток... Алекса сворачивает в сторону, полный решимости искать дальше и, по возможности, увидеть господина Круза. Расследование приводит его на поле, где проходят собачьи бега. Там уже собралась публика. Сейчас здесь идет гонка английских борзых. Они несутся как заводные за электрическим зайцем.

Алекса между скамьями проходит на газон вокруг поля. Под одним из солнечных зонтов он замечает огромную царскую борзую. Собака совершенно белая, она стоит возле стола, рядом с которым развалился в плетеном кресле знаменитый оперный певец Матеус Дистели. Его золотая грива сияет на солнце подобно ореолу, и выглядит он неотразимо, даже еще лучше, чем на сцене. На столе перед Дистели табакерка в форме золотого яйца. Дама средних лет, кото-

рая сидит рядом с ним, только что закончила есть пирожное. Сейчас она протягивает руку к борзой, которая кладет морду на ее ладонь, и дама, глядя в ее глаза как в зеркало, подправляет помадой губы. Теперь они похожи на клубнику.

В этот момент до Алексы Клозевица долетает с их стороны дуновение ветра, он приносит запах нюхательного табака вместе с чем-то, напоминающим кокаин, собачьей шерсти, сильно пропитанной духами Bvlgari, а кроме того — имя дамы средних лет, к которой обратился сидящий рядом с ней красавец:

— Лемпицка! Надень туфли!

И только он успевает подумать, что на сцене голос Дистели звучит по-другому и что сегодня тот, кажется, немного охрип, как тот же самый ветер доносит до него вонь потной шерсти несущихся английских борзых и запах невероятно старомодного лосьона после бритья Old Spice. Алекса оборачивается и ухватывает почти на лету образ того самого человека с фотографией. Исайя Круз ростом оказывается ниже, чем можно было бы предположить. Рубашка на нем из тех, что стоят бешеных денег, но сидит как ворованная...

Алекса решает, что на сегодняшний день, пожалуй, хватит. На выходе он оглядывается и ищет глазами тех троих: Матеуса, Лемпицку и русскую борзую. Борзая греет длинную, как бутылка шампанского, морду

«Как только Ишигуми протягивает левую руку, хозяин молниеносным движением машинки для обрезания сигар отхватывает ему первую фалангу мизинца»

между ногами своего хозяина. Лемпицка снова сбросила туфли и под столом потирает одну ногу о другую. На бега она вообще не обращает внимания. В этот момент она слепа, как время.

Poison

Алекса Клозевиц и этим утром сталкивается с обычными сложностями процесса бритья. Его отражение в зеркале, по имени Сандра, опять вызывает у него затруднения. Ввиду того что любое зеркальное отражение должно повторять все движения, красавица в зеркале начала расчесывать свои прекрасные волосы темно-синего цвета — стоило ему взяться за бритву головы, а пока он наносит на лицо пену для бритья, она подкрашивает белилами щеки. Из-за нее Алексу в зеркале ничего не видно, и бредется он фактически вслепую. Тогда она говорит ему:

— Ты действительно собираешься сделать это?

— Как тебе известно, выбора у меня нет, наши проекты слишком дороги, — резко отвечает он.

— Это тебя не оправдывает. Я в этом участвовать не желаю. Ты, а не я, решил пойти на такие долги.

— То, что ты говоришь, просто смешно, принимая во внимание, что мы с тобой одно единное андрогинное существо.

— Именно поэтому ты прекрасно знаешь, что я могу с тобой сделать, если решу тебя слазить.

— Ничего у тебя не выйдет, потому что я обрил голову. Любуй твой глаз теперь скользит мимо меня...

Прежде чем выйти из комнаты, он прыскает себе за ухом и на запястье Envergue парижского производства Bourjois, а Сандра в зеркале подражая его движениям, наносит на те же места свой аромат — Antracite.

После этого Алекса прилепляет усики и выходит. На фотографии, которая лежит у него в кармане сегодня, изображена женщина в лучшие годы жизни с неотразимой улыбкой. Эта улыбка пробивает дырочки на щеках и проскальзывает в колыба серег. Ее имя Ливия Хехт, а рабочее место — на 18-м этаже банка Plusquam city. Она —

председатель совета директоров этого учреждения.

К зданию банка ее привозит «Мерседес», и, прежде чем она влетает в холл своего финансового храма, Алексу удается отметить несколько деталей ее внешности. Улыбка леди Хехт прерывается, не достигнув полного воплощения, словно откушенная, ее остаток остается на ее лице как вспоротая рыба. Глаза леди Хехт, цвета фиалки, приказывают без слов: «Следуйте за моим взглядом!» — и переводят ее немецкое лицо на французский, а в ее духах Poison содержится примесь какого-то другого запаха, который не позволяет Poison выразить себя в чистом виде. Алексу пришлось бегом следовать за ней в холл, который походит на вывернутый наизнанку корпус огромного судна, и еще раз за спиной леди Хехт вдохнуть ее ароматный след, чтобы понять, в чем дело. Теперь он знает. К дамскому запаху этой леди примешан запах какого-то джентльмена. Запах довольно банальный — Dolce&Gabbana

Итак, поверх своих духов Poison леди Хехт носит мужской аромат Dolce&Gabbana. Следовательно, сейчас нужно найти владельца этого второго запаха.

День за днем уходит у Алексы Клозевица на поиски в холле и на разных этажах банка Plusquam city. В одной из очередей перед окошечком кассы он натывается на пахучий след

Dolce&Gabbana, но им отмечена какая-то пожилая дама, которая в то утро по ошибке взяла флакон мужа вместо своего. В следующий раз запах Dolce&Gabbana окутывает Алексу Клозевица в лифте, но исходит он от некоего старого господина, который дышит с сипением, похожим на бляение. Наконец Алекса попадает в отдел сейфов. Здесь, разговаривая со служащей, он обнаруживает в соседнем помещении зеленоглазого красавца с резиновым взглядом, это шеф особого отдела, где находятся сейфы с высокой степенью надежности. Алексу охватывает соблазн наброситься на него, но он вовремя берет себя в руки, почувствовав, что красавец, чье имя — Моррис Эрланген — написано на табличке возле входа, пользуется ароматом Dolce&Gabbana. Через стеклянную дверь видно, что в рабочем помещении господина Эрлангена трудится и его помощница, мулатка с египетским затылком, которого можно добиться, если, ложась спать, класть под шею вместо подушки металлический полумесяц.

В этот момент звонит телефон и служащая передает господину Эрлангену просьбу прибыть на этаж леди Хехт. С ним хотят проконсультироваться.

Зеленоглазый господин выходит из своего кабинета и быстрым шагом проходит мимо Алексы. Эрланген — настоящий красавец с головой мраморной женской статуи на мускулистом теле. Dolce&Gabbana на коже господина, чье имя стоит на табличке, струится за ним божественной волной и вводит Алексу Клозевица в полубессознательное состояние. Но в этом запахе присутствует и что-то еще. Дело в том, что господин Эрланген в своем мужском аромате носит какой-то другой аромат, женский. Алекса изумлением понимает, что это не Poison леди Хехт, которая пригласила господина Эрлангена в свой кабинет «на консультацию» и которая носит его запах поверх собственного. От господина советника, отвечающего за сейфы повышенной надежности, пахнет духами Dune, то есть запахом какой-то другой женщины.